

И наоборот. В школу вызвали папу, большого начальника, никогда до этого в школу не заглядывавшего. Почтительность, с которой он выслушивает критику в адрес своего сына, может быть весьма обманчива. Он не слышит вас, потому что ни ситуация, ни вы, ни вся обстановка ему не нравятся. Но внешние приличия соблюдены.

Или вот мама, у которой трое сыновей и которая не справляется даже с младшим, будет искренне обещать вам, что примет самые строгие меры. А что ей остаётся? Только кротко соглашаться с вашими гневными и совершенно бесполезными отповедями.

■ Во время беседы поддерживайте не только зрительный контакт, но и дайте понять собеседнику, что вы внимательно следите за его речью. Есть так называемые контактные звуки: «мда»,

«угу». Сами по себе эти звуки, кивки или междометия не означают согласия, но собеседник понимает, что вы внимательно слушаете.

■ Смягчайте свои суждения, советы и оценки при помощи слов «мне кажется», «думаю, что...», «хотелось бы, чтобы...», «а не могли бы вы...». И не бойтесь, что вас заподозрят в неуверенности.

■ К. Роджерс выделил важнейшие качества, необходимые врачу, воспитателю, учителю: умение быть самим собой, стремление понять другого человека, безусловное принятие человека, бескорыстная доброжелательность и теплота.

/Материал подготовлен на основе статьи в газете «Библиотека в школе» № 1, 2003/

Проблемы

НИЧЕГО НЕ ТРЕБОВАТЬ ВЗАМЕН

ОТКРЫТЫЙ УРОК ЧТЕНИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ КНИЖКИ
ЗНАМЕНИТОГО ФРАНЦУЗСКОГО УЧИТЕЛЯ

ДАНИЭЛЯ ПЕННАКА

подготовила **М. ГАНЬКИНА**

То, что нынешнее поколение не любит читать, — проблема общая. Все как один понимают необходимость чтения. И дети в том числе. А результат — ноль. В чём же дело?

«Глагол читать не терпит повелительного наклонения. Несовместимость, которую он разделяет с некоторыми другими: любить... мечтать... Попробовать, конечно, можно. Пробуем? Люби меня! Мечтай! Читай! Да читай же, паразит, кому сказано — читай!.. Результат? Никакого...»

133

Сведения

об авторах

[143 — 144]

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Так начинается книга Даниэля Пеннака «Как роман» (М., 2005), подборку из которой мы предлагаем вниманию читателей. Будучи блестящим педагогом, Пеннак научил любви к чтению множество своих учеников и щедро делится с нами своими методами — столь же простыми, сколь и результативными. Надеемся, что эта публикация послужит классным руководителям хорошим подспорьем не только в подготовке Всероссийского открытого урока чтения, но и в их повседневном общении с учениками.

Возьмём обычный класс, человек тридцать пять подростков. О, не тех, заботливо отобранных, которые без сучка без задоринки пройдут в величественные врата высших учебных заведений, — нет, остальных, тех, кого отчислили из лицеев и гимназий, потому что их оценки не давали никаких надежд.

Начало учебного года. Их выбросило сюда. В эту вот школу.

«Выбросило» — этим всё сказано. Они выброшены на берег, между тем как их вчерашние одноклассники вышли в открытое море на борту лицеев-пакетботов, держащих путь к «блестящим карьерам». Обломки крушений, оставленные школьным отливом.

Именно так они сами себя описывают в традиционных личных карточках, заполняемых в начале учебного года.

Фамилия, имя, дата рождения.

Другие сведения:

«Мне совсем не даётся математика»... «Учить языки мне не интересно»... «Я не умею сосредоточиться»... «У меня не получается хорошо писать»... «В книгах слишком много слов»... «Я ничего не понимаю в физике»... «По орфографии у меня всегда был ноль»... «История бы ладно, но я не запоминаю даты»... «Наверное, я недостаточно стараюсь»... «Я плохо понимаю»... «Я много пропустил»... «Мне хотелось бы рисовать, но я не одарённый»... «Мне это слишком трудно»... «У меня плохая память»... «Я не умею говорить»...

Конченные люди... Так они себя аттестуют. Конченные, ещё не начавшись.

Разумеется, они немного преувеличивают. Таков закон жанра. Личная карточка, так же как личный дневник, держится на самокритике: в ней инстинктивно очерняют себя. К тому же это ограждает от избытка требований.

Однако автопортреты, написанные подростками, не слишком схожи с оригиналами. Нет, они все разные, каждый выбрал что-то своё в нашем многоликом пёстром времени: записной рокер — заклёпки, поклонник высокой моды — бутик, безлошадный байкер — не мотоцикл, так хоть косуху; у кого длинные волосы, у кого жёсткий ёжик — в зависимости от семейных вкусов... Вон та девочка утопает в отцовской рубашке, свисающей до продранных коленок джинсов, зато другая вся в чёрном, как сицилийская вдова, а её белокурая соседка, метит, наоборот, на конкурс красоты: уложена, разнаряжена, как с обложки глянцевого журнала.

Они вышли из возраста свинки и ветрянки и подцепляют теперь моды.

А парни до чего дюжие! А девочки-то какие фигуристые!

Учителю кажется, что сам он в их возрасте был не таким оформившимся... помельче, похилее... послевоенный заморыш... А они — воплощение результата. Это цветущее здоровье, это соответствие моде создают впечатление зрелости, от которой

[111 — 118]

Сценарии
и алгоритмы

134

М . Г А Н Ь К И Н А
Н И Ч Е Г О Н Е Т Р Е Б О В А Т Ь В З А М Е Н

в пору и оробеть. Их причёски, наряды, плееры, калькуляторы, манера общаться, самоуверенность наводят на мысль, что они, возможно, куда лучше приспособлены к современности, чем учитель. Больше о ней знают...

Что же они знают? В том-то и загадка. Нет ничего загадочнее, чем видимость взрослости.

Не будь наш учитель стреляным воробьём, он вполне мог бы почувствовать себя вытесненным из изыскательного наклона настоящего времени, отсталым, что ли... Только навиделся он за двадцать лет преподавания и детей, и подростков... тысячи три, наверное, а то и больше... и всяких мод навиделся, и как они проходят... и даже как возвращаются!

Единственное, что не меняется, так это содержание личных карточек. Стиль «упадок и разрушение» на всю катушку: я ленивый, я глупый, я ни на что не гожусь, я всё перепробовал, но без толку, не тратьте на меня усилий...

Они, по сути дела, оказались между двумя мирами. И с обоими потеряли контакт.

Мы, конечно же, «крутые», «продвинутые», мы «пофигисты» (и какие!), но школу мы «в гробу видали», её требования нас «задолбали», мы «уже не маленькиие», но всего-то и толку, что маемся в бесконечном ожидании, когда же станем взрослыми...

Мы хотели бы быть свободными, а чувствуем себя брошенными.

Устраивайтесь поудобнее

И само собой разумеется, они не любят читать. Слишком много слов в книгах. Страниц тоже. И вообще слишком много книг.

Нет, читать они решительно не любят. Тому свидетельство лес поднятых рук в ответ на вопрос учителя:

— Кто из вас не любит читать?

В этом квазиединодушии даже чувствуется некоторый вызов. Кое-кто рук не поднял (в том числе «сицилийская вдова»), но это знак подчёркнутого безразличия к вопросу.

— Ну и хорошо, — говорит учитель, — раз вы не любите читать... я сам буду читать вам всякие книги.

И тут же, перейдя от слов к делу, открывает портфель и достаёт вот такую книжищу, толстую, прямо-таки кубическую, нет, правда, жуть какую огромную, в глянцевой обложке. В общем, книгу так уж книгу...

— Готовы?

Они не верят своим глазам, не верят ушам. Этот псих собирается им всё это прочесть? Да на это уйдут годы! Растерянность... Даже некоторая напряжённость... Такого не бывает — чтоб учитель вздумал весь год читать. Или он отъявленный бездельник, или тут какой-то подвох. Больно хитрый, поймать нас хочет. А потом подай ему список новых слов, отчёт о прочитанном...

Они переглядываются. Некоторые на всякий случай кладут перед собой листок и берут ручку наизготовку.

— Нет-нет, записывать ничего не надо. Просто послушайте.

Тут возникает новая проблема — куда себя девать? Что происходит с телом в четырёх стенах класса, если отнять у него алиби шариковой ручки и чистого листа? Что с собой делать в подобной ситуации?

— Устраивайтесь поудобнее, расслабьтесь...

(Скажет тоже! «Расслабьтесь...»)

«Высокая мода» не смог сдерживать любопытства:

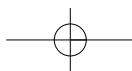
— Вы собираетесь прочесть всю эту книгу? Вслух?

135

Сведения

об авторах

[143 — 144]

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

— Ты вряд ли что-нибудь услышишь, если я буду читать про себя...

Застенчивый смешок. Но юная «сицилийская вдова» в такие игры не играет. Шёпотом, достаточно громким, чтобы всем было слышно, она роняет:

— Мы уже не в том возрасте.

Предубеждение распространённое... В основном, среди тех, кому никогда по-настоящему не дарили чтения. Другие-то знают, что для этого удовольствия возраста не существует.

— Если через десять минут ты убедишься, что это тебе не по возрасту, подними руку, и я найду тебе другое занятие. Договорились?

— А что за книга-то? — спрашивает Безлошадный байкер с видом человека многоопытного и искушённого.

— Роман.

— А про чего?

— Трудно сказать, пока не прочтёшь. Ладно, все слушают? Отставить разговоры. Приступим.

Они слушают... скептически, но слушают.

— Глава первая: *«В восемнадцатом столетии во Франции жил человек, принадлежавший к самым гениальным и самым отвратительным фигурам этой эпохи, столь богатой гениальными и отвратительными фигурами...»*

В городах того времени стояла вонь, почти невообразимая для нас, современных людей. Улицы воняли навозом, дворы воняли мочой, лестницы воняли гнилым деревом и крысиным пометом, кухни — скверным углём и бараньим салом; непроветренные гостиные воняли слежавшейся пылью, спальни — грязными простынями, влажными перинами и остросладкими испарениями ночных горшков. Из каминов несло серой, из дубилён — едкими щелочами, со скотобоен — выпущенной кровью. Люди воняли потом и нести-

ранным платьем; изо рта у них пахло сгнившими зубами, из животов — луковым соком, а их тела, когда они старели, начинали пахнуть старым сыром и кислым молоком, и болезненными опухолями. Воняли реки, воняли площади, воняли церкви, воняло под мостами и во дворцах. Воняли крестьяне и священники, подмастерья и жены мастеров, воняло всё дворянское сословие, вонял даже сам король — он вонял, как хищный зверь, а королева — как старая коза, зимой и летом...»

Спасибо, господин Зюскинд!

Дорогой господин Зюскинд, спасибо вам! Ваши страницы источают аромат, который щекочет ноздри и нервы. Никогда у вашего «Парфюмера» не бывало читателей увлечённое, чем эти тридцать пять подростков, столь не расположенных вас читать.

Через десять минут, можете мне поверить, «сицилийская вдова» сочла, что по возрасту вы ей очень подходите. Трогательно было смотреть, как она закусывала губу, боясь своим смехом заглушить вашу прозу.

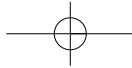
«Высокая мода» широко раскрыл глаза, будто это уши, и — «Тихо вы там! Заткнитесь, ну!» — едва кто-нибудь из его товарищей не выдерживал и прыскал.

Где-то странице на тридцать второй, там, где вы сравниваете вашего Жана-Батиста Гренуя, оказавшегося на попечении у мадам Гайар, с клетцом, затаившимся в засаде, — так вот, где-то на этих страницах «безлошадный байкер» уснул, уронив голову на руки. Уснул сладким сном, мирно посапывая. Нет-нет, не надо его будить, ведь так хорошо уснуть под колыбельную — это же самая первая из радостей чтения. Он снова стал маленьким и доверчивым... и он ничуть

[111 — 118]

Сценарии
и алгоритмы

136

М . Г А Н Ъ К И Н А
Н И Ч Е Г О Н Е Т Р Е Б О В А Т Ь В З А М Е Н

не старше, когда, разбуженный звонком, восклицает:

— Блин, я всё проспал! Что там было у мамы Гайяр?

И вам спасибо, господа Маркес, Кальвино, Стивенсон, Достоевский, Амаду, Гари, Фант, Даль, спасибо всем вам, живым и мёртвым! Ни один из тридцати пяти противников чтения не стал дожидаться, пока учитель доберётся до конца той или иной из ваших книг, он дочитал её раньше. Зачем откладывать на неделю удовольствие, которое можно получить сегодня вечером?

— Этот Зюскинд, он кто?

— Он жив?

— А что ещё он написал?

— «Парфюмер», он что, по-французски написан?..

Проходят недели, и...

— Ну, супер — «Хроники объявленной смерти»! А «Сто лет одиночества», месье, это про что?

— Ой, месье, Фант — это вообще! «Мой пёс Глупыш» — правда, умора?!

Конечно, конечно, суждения ещё незрелые, формулировки не отточены... но это придёт... пусть читают... всё придёт.

— Месье, а смотрите, «Раздвоенный виконт», «Доктор Джекил и мистер Хайд», «Портрет Дориана Грея» — все книжки примерно про то же: добро, зло, двойника, совесть, искушение, всякие такие вещи, правда?

— Правда.

— А про Раскольникова можно сказать, что он романтический герой?

Вот видите... уже приходит.

Эхо голоса

Между тем никакого чуда не произошло. И заслуга учителя тут невелика. Просто радость чтения была совсем близко, задавленная у этих ребят дав-

ним, глубоко угнездившимся страхом: они боялись, что не поймут.

Они забыли, что такое книга, что она может дать. Забыли, что любой роман — это прежде всего рассказанная история. Не знали, что роман должен читаться как роман: утолить в первую очередь нашу жажду интересных историй.

Утоляя эту жажду, мы давно уже обратились к голубому экрану, который работает бесперебойно, как конвейер, нанизывая мультфильмы, сериалы и триллеры в нескончаемое ожерелье из взаимозаменяемых штампов, выдавая нам ежедневный паёк фантазий. Мы забиваем ими голову, примерно так же, как набивают суррогатами брюхо: есть сытость, но нет питательности. Ничего не задерживается. После так же пусто, как до.

Читая вслух «Парфюмера», мы познакомились с Зюскиндом: история, да, занимательная история, смешная, причудливая, но и голос тоже — голос Зюскинда (позже в сочинениях они назовут это «стиль»). Да, история о чём-то, но рассказанная кем-то.

— Удивительное дело, месье, вот там в начале: «...комнаты воняли... люди воняли, площади воняли... король вонял...» А нам велят избегать повторов! А ведь получилось красиво, правда?

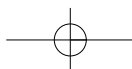
Да. Наслаждение сюжетом дополняется обаянием стиля. Перевернув последнюю страницу, мы не остаемся в одиночестве — с нами эхо голоса. Голос Зюскинда — даже через двойной фильтр перевода и учительского голоса — совсем не похож на голос Маркеса — «с первых слов заметно!». И возникает удивительное ощущение: штамп говорит со всеми одинаково, а Зюскинд и Маркес, говоря каждый своим языком, обращаются именно ко мне, рассказывают свою историю

137

Сведения

об авторах

[143 — 144]

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

только мне и никому другому — мне, Сицилийской вдове, мне, Безлошадному байкеру, мне, Высокой моде, и я уже не путаю их голоса и выбираю тот, что мне больше нравится.

Не более чем сваха

Но очень скоро голос учителя становится помехой: одно удовольствие мешает другому, более утончённому.

— Когда вы нам читаете, месье, это, конечно, помогает, но потом я люблю побыть один на один с книгой...

Потому что голос учителя — история, доставшаяся даром, — помирил меня с письменностью и тем самым вернул мне вкус к моему тайному и безмолвному голосу алхимика, того самого, который каких-то десять лет назад был зачарован тем, что «мама» на бумаге — это самая настоящая живая мама.

Истинная радость от чтения и состоит в открытии этой необычайной личной связи: автор и я... Учитель тут не более чем сваха. Настало время ему тихонечко, на цыпочках удалиться.

Считайте, ребята, считайте...

Кроме навязчивого страха не понять, есть ещё одна фобия, которую надо преодолеть, чтобы вернуть школьному народцу вкус к чтению, — боязнь нескончаемости.

Время, которое уйдёт на чтение книги, видится им угрожающей бесконечностью! Когда учитель достал из своего портфеля «Парфюмера», они были в шоке, увидев перед собой айсберг!

И вот он принимается читать, и они видят, как айсберг тает буквально на глазах! Время уже больше не время, минуты летят секундами, и сорок страниц прочитано, и час прошёл как ни бывало.

Скорость учителя — сорок страниц в час.

Книга, если разобраться, читается быстро: один-единственный час чтения в день, и за неделю я управляюсь с романом в 280 страниц! Я могу прочесть его и за три дня, если положу на чтение по два часа с небольшим! 280 страниц за три дня! Считай, 560 за шесть будних дней. Когда книжка действительно «супер» — «Унесённые ветром», правда, супер, месье!», — и в воскресенье прихватишь четыре часа сверхурочно (почему бы и нет, по воскресеньям спальный район Безлошадных байкеров беспробудно дрыхнет, а Высокую моду родители увозят за город, где скука смертная), вот у нас и ещё 160 страниц, итого, 720!

Или 540, если скорость у меня — тридцать в час, тоже вполне приемлемый результат.

Или 360, если я двигаюсь прогулочным шагом со скоростью двадцать в час. У меня 360 в неделю! А у тебя? Считайте страницы, ребятки, считайте...

Сначала дивисься и радуешься количеству прочитанных страниц, а потом... потом пугаешься, как мало их осталось до конца. Всего пятьдесят страниц! Вот увидите... Нет ничего слаще этой грусти: «Война и мир», два толстенных тома... и всего-то пятьдесят страниц осталось.

Растягиваешь их, растягиваешь, но ничего не поделаешь... Наташа выходит за Пьера Безухова — и конец.

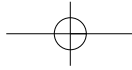
Но где взять время?

Да, но у меня такой жёсткий график, откуда взять этот час на чтение? У кого отнять? У друзей? Телека? Вечеров в кругу семьи? Уроков?

[111 — 118]

Сценарии
и алгоритмы

138

М . Г А Н Ъ К И Н А
Н И Ч Е Г О Н Е Т Р Е Б О В А Т Ь В З А М Е Н

Где найти время читать? Серьёзная проблема. Которая и не проблема вовсе.

Коль скоро встаёт вопрос, есть ли время читать, стало быть, нет на то желания. Потому что, если разобраться, времени читать ни у кого никогда нет. Нет у мелких, нет у подростков, нет у взрослых. Жизнь — постоянная помеха чтению.

— Читать? Я бы с радостью, но работа, но дети, но хозяйство, времени нет... Как я вам завидую, что у вас есть время читать!

А почему же вон та, которая работает, бегаёт по магазинам, растит детей, водит автомобиль, посещает дантиста, через неделю переезжает, — почему она находит время читать, а вот этот благонаправный холостяк-рантье не находит?

Время читать — это всегда украденное время. (Как, впрочем, и время писать, время любить.)

У кого украденное? Скажем, у обязанности жить.

В этом, несомненно, причина того, что метро — устойчивый символ упомянутой обязанности — являет собой величайший в мире читальный зал.

Время читать, как и время любить, расширяет время, состоящее из минут и часов.

Если бы любовь приходилось рассматривать с точки зрения распределения времени, кто бы на неё отважился? У кого есть время быть влюблённым? А между тем кто-нибудь когда-нибудь видал влюблённого, у которого не нашлось бы времени любить?

Вопрос не в том, есть ли у меня время читать (время, которого, кстати, никто мне не даст), но в том, подарю я себе или нет счастье быть читателем.

Дискуссия, которой «безлошадный байкер» подводит итог сокрушительным лозунгом:

— Время читать? Вот оно, у меня в кармане!

При виде книжки, которую он оттуда вынимает, «высокая мода» глубокомысленно кивает:

— Да... когда выбираешь куртку, важно, чтоб карманы были подходящего формата!

...Контрольные по литературе, зачёты по внеклассному чтению...

Большую, толстую книгу фигурально называют кирпичом.

Уберите учёт и контроль, и кирпич станет облаком.

Чтение — подарок

Единственное условие этого примирения с чтением: ничего не требовать взамен. Совсем ничего. Не выстраивать вокруг книги никакой стены предварительных сведений. Не задавать ни единого вопроса. Ни малейшего задания. Не добавлять ни слова к словам прочитанных страниц. Никаких оценок, никаких объяснений лексикологии, никаких анализов текста, никаких биографических данных... Насторого запретить себе «говорить вокруг да около».

Чтение — подарок.

Читать и ждать.

Любознательность не вынуждают, её пробуждают.

Читать, читать и довериться глазам, которые открываются, лицам, которые веселеют и проясняются, вопросу, который вот-вот сорвётся и повлечёт за собой следующий.

Если педагог во мне шокирован тем, что произведение «представлено вне контекста», убедить упомянутого педагога, что единственный контекст, с которым на данный момент надо считаться, — *контекст вот этого класса*.

139

Сведения

об авторах

[143 — 144]

